

Екатерина СЛОБОДЕНЮК

Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России¹

В условиях экономических рецессий (в том числе кризиса 2014–2016 гг.) в России особую актуальность приобретает вопрос о возможности перехода от социальной политики, основанной на категориальном принципе, к адресной социальной политике, то есть политике, основанной на принципах нуждаемости. Предположительно эту задачу может решить учет субъективной бедности как дополнительного маркера нуждаемости при определении адресатов социальных трансфертов, что производится в настоящий момент органами государственной службы исключительно на основе показателя доходов. В этой связи проблематика субъективного подхода к бедности вызывает повышенный интерес научного сообщества². Наше исследование лежит в русле этой традиции, а его ключевой вопрос заключался в том, насколько субъективная бедность формируется основными факторами абсолютной бедности и насколько, соответственно, субъективный подход к выделению группы бедных может быть использован в качестве вспомогательного для определения адресатов государственной социальной политики.

Перед тем как обратиться к этому непростому сюжету, рассмотрим теоретико-методологические предпосылки проведенного нами анализа.

¹ Исследование проводилось в рамках проекта «Изучение демографического и социально-экономического поведения домохозяйств на разных стадиях жизненного цикла и оценка влияния социальной и налоговой политики на динамику уровня жизни и его дифференциацию», выполненного в ходе реализации Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

² См., например: *Абрамова О.С., Гусева М.С.* Диагностика профиля региональной бедности: российский и зарубежный подходы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2014. № 4. С. 71–75; *Горшков М.К., Тихонова Н.Е.* Бедность и бедные в современной России. М.: Весь мир, 2014; *Пишняк А.И., Полова Д.О.* Уровень и качество жизни московских домохозяйств: объективные и субъективные оценки // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 257–272; *Горшков М.К., Тихонова Н.Е.* Российское общество и вызовы времени. Книга третья. М.: Весь мир, 2016; *Шаповал И.А.* Субъективное качество жизни в психологии бедности // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6. № 4. С. 207–218.

Теоретико-методологические основы исследования

В науке к настоящему моменту сложились три ключевые трактовки бедности: *абсолютный*, *относительный* и *субъективный* подходы с различными методами выделения группы бедных в рамках каждого. Выбор того или иного теоретико-методологического подхода диктуется поставленными задачами исследования. Так, *абсолютный* подход, основанный на сопоставлении доходов населения с абсолютной, экспертно задаваемой величиной («чертой бедности»), значение которой может сильно различаться в зависимости от целей социальной политики, количества располагаемых бюджетных средств, специфики исторического момента и иных условий³, наиболее эффективен для решения экономических задач, связанных с определением адресатов и размеров государственных пособий. Использование абсолютного подхода в социологических исследованиях позволяет более полно проанализировать тот объект, который интересует государство, так как именно он используется для выделения группы бедного населения органами государственной власти и статистическими службами России.

Субъективный подход⁴ позволяет понять эмоциональную оценку индивидом своего по-

³ Результаты исследований в рамках указанной традиции применительно к российской бедности см., например: *Овчарова Л.Н.* Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38; *Абанокова К.Р., Локшин М.М.* Влияние эффекта масштаба в потреблении домохозяйств на бедность в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4; *Тихонова Н.Е.* Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003; *Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э.* Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. 2013. Т. 22. № 1.

⁴ См., например: *Овчарова Л.Н.* Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38; *Абрамова О.С., Гусева М.С.* Диагностика профиля региональной бедности: российский и зарубежный подходы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2014. № 4. С. 71–75; *Пишняк А.И., Полова Д.О.* Уровень и качество жизни московских домохозяйств: объективные и субъективные оценки // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 257–272; *Шаповал И.А.* Субъективное качество жизни в психологии бедности // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6. № 4. С. 207–218.

ложения в обществе, уровня собственного благосостояния и успешности, которые влияют на его оценку своих жизненных шансов, а также способы адаптации к изменяющимся социальным и экономическим условиям. В динамике это позволяет отследить изменения социального самочувствия населения и оценить потенциал роста социальной напряженности. Субъективные методики по этой причине чаще всего используются в социально-политических исследованиях.

Относительный подход¹ позволяет выделить тех людей, которые занимают наименее благополучные позиции в рамках конкретного общества. Он опирается на ряд качественных показателей (наличия, остроты и количества лишений, которые претерпевают домохозяйства), выступающих в сознании всего населения в качестве маркеров бедности. Данный подход чаще используется в рамках социологических, а не экономических исследований.

Исходя из постановки исследовательской задачи в рамках настоящего исследования группа бедного населения анализировалась нами только в логике *абсолютного* и *субъективного* подходов. При этом в рамках *абсолютного* подхода нами была выбрана методика, приближенная к используемой ФСГС РФ: «черта бедности» рассчитывалась индивидуально для каждого домохозяйства путем суммирования нормативов прожиточных минимумов за II квартал 2015 г. в зависимости от региона проживания домохозяйства и его состава (количества в нем детей, пенсионеров и людей трудоспособного возраста). Полученная величина соотносилась с совокупным доходом домохозяйства, который указывался индивидом после суммирования всех источников доходов семьи (заработной платы, субсидий, помощи со стороны других домохозяйств и прочих, полученных за последний месяц перед опросом). К числу бедных в результате были отнесены все домохозяйства, совокупный доход которых оказался меньше их «черты бедности» (то есть рассчитанного индивидуально для каждого из них совокупного прожиточного минимума).

¹ Основателем подхода является П. Таунсенд (Townsend P. (1979) *Poverty in the United Kingdom*. Harmondsworth: Penguin). Результаты применения методологии относительного подхода для оценки масштабов российской бедности см.: Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению / Колл. монография. М., 1998 (Моск. центр Карнеги. Вып. 24); Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003; Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1.

Эмпирической основой исследования выступал опрос Института социологии РАН², проведенный в октябре 2015 г., с объемом выборочной совокупности 4000 респондентов, репрезентировавших взрослое население страны по регионам проживания, а внутри них — по полу, возрасту (в разбивке по возрастным когортам) и типу поселения. Критерием выделения группы *субъективно* бедного населения выступал факт восприятия индивидом себя как «бедного»³.

Абсолютная бедность в России в условиях кризиса (2015 г.).

Анализ населения с точки зрения распределения доходов показал, что об устойчивом и относительно защищенном положении осенью 2015 г. можно было говорить лишь применительно к 22% населения страны⁴. Доля же россиян, живущих за чертой бедности (то есть доходы которых были ниже величины прожиточного минимума), составляла четверть населения страны (рис. 1) и была сопоставима с масштабом бедности середины 2000-х гг. При этом по сравнению с благополучным 2013 г. бедность в России увеличилась вдвое (с 13⁵ до 25% в 2015 г.). Кто же пополнил группу бедных «по доходам» в условиях кризиса⁶?

² Исследование, результаты которого приведены в статье, проводилось на базе данных третьей волны мониторингового проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», выполненного в Институте социологии РАН в 2014–2016 гг. Третья волна мониторинга прошла в октябре 2015 г. (см. подробнее: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. *Российское общество и вызовы времени*. Книга третья. М.: Весь мир, 2016). Далее именно этот массив данных будет являться источником данных для всех приведенных в тексте рисунков и таблиц. Автор выражает свою благодарность руководству ИС РАН за возможность использовать данные этого проекта.

³ Основой для выделения указанной группы выступал вопрос мониторинга: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей — с теми, о ком Вы могли бы сказать: «Это — Мы»?» с вариантами ответов: «в значительной степени», «в некоторой степени», «не ощущаю близости». Как субъективно бедные рассматривались респонденты, отметившие, что они идентифицируют себя с бедными хотя бы в некоторой степени.

⁴ В качестве критерия его наличия был избран показатель в 2 прожиточных минимума (ПМ) для домохозяйств соответствующей структуры в данном регионе.

⁵ Оценка масштабов бедности в 2013 г. нами проводилась согласно идентичной методике на данных исследования Института социологии РАН в 2013 г. (более подробно см.: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. *Бедность и бедные в современной России*. М.: Весь мир, 2014. С. 29).

⁶ Более детально портрет группы бедных на основе эмпирических данных того же исследования см.: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. *Российское общество и вызовы времени*. Книга третья. М.: Весь мир, 2016; Слободенюк Е.Д. *Последствия кризиса 2015 г.: обеднение или прекарнизация?* // *Журнал исследований социальной политики* (в печати), 2017.

Рисунок 1
МОДЕЛЬ ДОХОДНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА,
 октябрь 2015 г. (%)

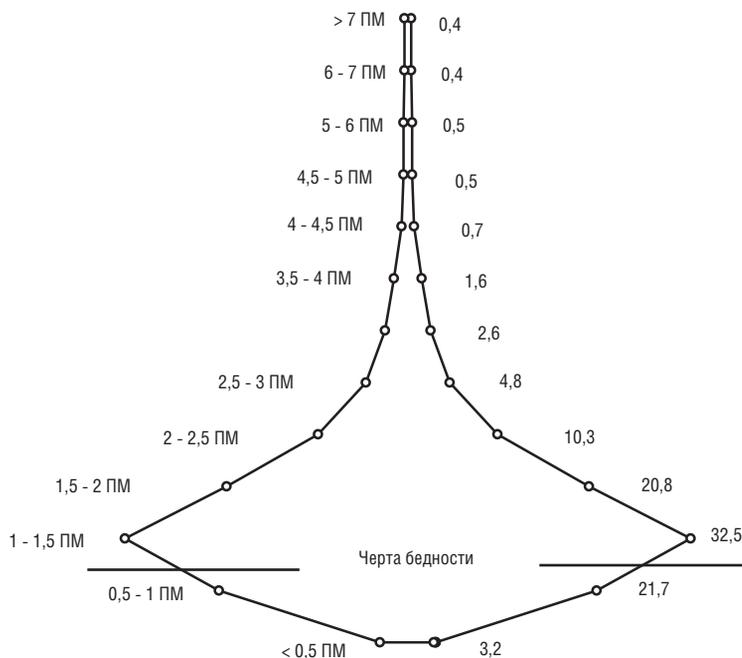
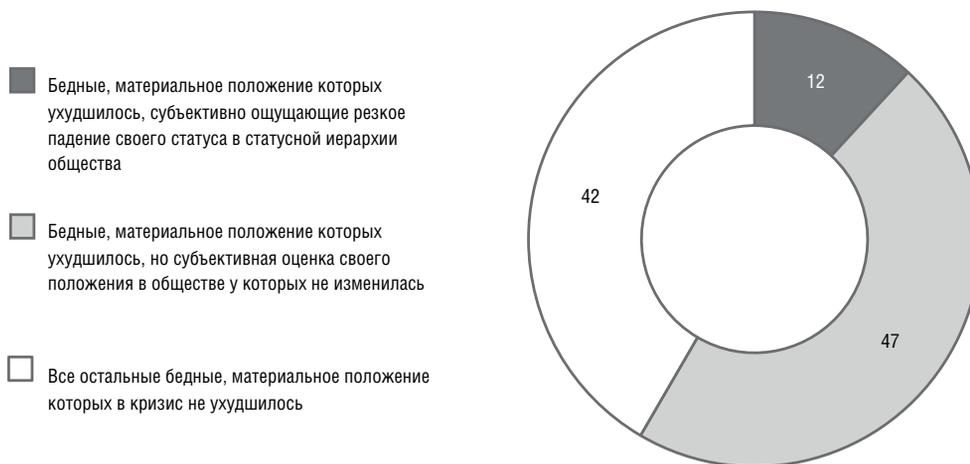

Рисунок 2
СТРУКТУРА БЕДНОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ С УЧЕТОМ ДИНАМИКИ ЕГО УРОВНЯ ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА,
 октябрь 2015 г. (%)

Группа бедных содержит, во-первых, *хронически бедных*, прозябающих в бедности годами; во-вторых, представителей *плавающей бедности*, которые во времена экономической стабильности и процветания формально балансируют за гранью черты бедности, хотя фактически ведут образ жизни бедных; в-третьих, *ситуационно бедных*, попадание в бедность для которых не типично и вызвано особыми жизненными обстоятельствами (декретным отпуском, временной безработицей и другими). *Всего по состоянию на октябрь 2015 г. в бедности или на ее грани находилась практически треть всего населения России.*

При этом анализ субъективных оценок динамики материального положения и интегрального статуса россиянами показал, что подавляющее большинство обедневшего за время кризиса населения составляли представители плавающей бедности, так как, хотя их материальное положение, по их словам, в кризис ухудшилось, существенных изменений в качестве своей жизни они не заметили (рис. 2). Стремительное же обеднение в кризис было характерно прежде всего для россиян, имеющих очень неустойчивые позиции на рынке труда (отсутствие стабильной работы, официального оформления, социальных гарантий,

в том числе по выплате «белой» зарплаты, повышенные риски увольнений и прочие¹, характерные для представителей прекариата²) или потерявших в условиях кризиса работу и так ее и не нашедших.

Как видно из рис. 2, ситуация с бедностью в результате кризиса с качественной точки зрения поменялась мало, так как группа бедных по большей части просто пополнилась теми членами общества, которые хотя формально раньше в нее не попадали, но фактически вели образ жизни, соответствующий именно бедности³.

Говоря о динамике масштабов и состава группы бедных в кризис, стоит обратить внимание и на ту часть небедного населения, которая обладает доходами, очень близкими к прожиточному минимуму. Учет этой пограничной группы (с доходами от 1 до 1,1 ПМ) увеличивал в октябре 2015 г. ее численность с четверти до трети населения страны. Входившие в группу с доходами, не более чем на 10% превышающими прожиточный минимум россияне — это люди, которые имели высокие риски попасть в число бедных в ближайшем будущем, поскольку качественного улучшения экономической ситуации в стране в период с осени 2015 г., как и роста реальных доходов населения, не наблюдалось.

Факторы абсолютной бедности в России

Согласно последним исследованиям факторы бедности «по доходам» остаются в целом неизменными на протяжении последних полутора десятков лет⁴. В их число входят:

— социально-демографические характеристики: пол (женский), возраст (предпенсион-

ный либо пенсионный с одновременным наличием хронических заболеваний), проживание в сельской местности, иждивенческая нагрузка (в первую очередь детьми и неработающими трудоспособными), плохое здоровье;

— экономические характеристики: уровень образования (не выше среднего специального), характер занимаемой профессионально-должностной позиции (позиции рутинного труда в первичном, вторичном и третичном секторах экономики), низкий уровень заработной платы и др.;

— ситуационные и иные характеристики: семейные трагедии (смерть кормильца, тяжелая болезнь и т.п.), вредные привычки (наркомания, алкоголизм и пр.).

Стоит отметить, что в последние годы усилился риск бедности, связанный с характерным для всего российского общества расширением процесса прекаризации части рабочей силы. В этой связи важным фактором бедности выступает факт занятия индивидом профессионально-должностных позиций, которые не гарантируют устойчивой занятости и соблюдения трудовых прав (официального оформления на работе, выплаты «белой» заработной платы, оплаты больничного листа и пр.).

Таким образом, российские исследователи имеют консенсус относительно наиболее значимых факторов абсолютной бедности. В этой связи встает вопрос, какова сила влияния перечисленных факторов на вероятность попадания в объективную («абсолютную») бедность?

Для ответа на поставленный вопрос нами был проведен регрессионный анализ с использованием бинарной логит-регрессии. В качестве зависимой переменной выступал факт попадания индивида в бедность по абсолютному подходу. С опорой на исследования последних лет, а также с учетом ограничений имевшихся эмпирических данных нами были сформированы восемнадцать возможных факторов бедности, в числе которых были:

— факторы иждивенческой нагрузки, то есть наличие в домохозяйстве индивида (включая его самого): 1) трудоспособных, не имеющих работы, 2) инвалидов 1-й или 2-й групп, 3) хронически больных, 4) неработающих пенсионеров, 5) несовершеннолетних детей⁵;

— экономические факторы, связанные со спецификой места индивида на рынке труда: 6) образование индивида, 7) характер занимаемой индивидом профессионально-должност-

¹ Более детально причины резкого обеднения россиян см.: Слободенюк Е.Д. Последствия кризиса 2015 г.: обеднение или прекаризация? // Журнал исследований социальной политики (в печати), 2017.

² Об особенностях российского прекариата подробнее см.: Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013 гг.) // Социологические исследования. 2015. № 12.

³ О схожести уровня и образа жизни бедных из плавающей бедности см. также: Слободенюк Е.Д. Особенности и структура социальной группы бедных в современной России // Terra Economicus. 2014. Т. 12. № 4. С. 114–129.

⁴ В данном случае речь идет о публикациях: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Бедность и бедные в современной России. М.: Весь мир, 2014; Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. 2014. № 1; Бедность: Альтернативные подходы к определению и измерению / Колл. монография. М., 1998 (Моск. центр Карнеги. Вып. 24); Овчарова Л.Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38; Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.

⁵ В опросе участвовали россияне, находившиеся в возрасте 18 лет и старше.

ной позиции, 8) тип предприятия, на котором работает индивид, 9) характер трудового договора (официальное/неофициальное оформление на работу), 10) субъективная оценка индивидом влияния кризиса на ситуацию с работой в целом, 11) наличие у индивида властного ресурса на рабочем месте, 12) официальный/неофициальный характер его заработной платы;

– *прочие факторы*: 13) приверженность индивида (или членов его семьи) вредным привычкам (включая алкоголизм и наркоманию), 14) отсутствие в собственности жилья, 15) отказ от планирования своей жизни, 16) тип населенного пункта, в котором проживал респондент, 17) пол, 18) возраст¹.

Наибольшую трудность с точки зрения определения целесообразности их включения в модель представляли факторы бедности, указанные под № 6–8². Однако в силу значимости каждого из них все три переменные были использованы нами в анализе, а риск их взаимного влияния был нивелирован включением в регрессионную модель совместных эффектов от их одновременного проявления.

Поиск наиболее удачной бинарной логит-регрессии был произведен в шесть этапов (табл. 1). Одновременное включение всех перечисленных факторов бедности в регрессионную модель (модель № 1) позволило корректно

¹ Из общего перечня факторов бедности 17 были представлены дихотомическими переменными. Как “1” в соответствии с гипотезой об их положительном влиянии на вероятность попасть в бедность (“0”, для всех иных вариантов ответа) кодировался: в № 1–5 – факт наличия хотя бы одного иждивенца из указанных, в № 6 – среднее специальное образование и ниже, в № 7 – факт занятия профессионально-должностной позиции, не требующей высшего образования, или статус рабочего, в № 8 – работа на негосударственном предприятии, в № 9 – отсутствие официального оформления на работу по решению работодателя, в № 10 – субъективная оценка воздействия кризиса на ситуацию с работой как негативного, в № 11 – полное отсутствие властного ресурса на рабочем месте, в № 12 – часть зарплаты выплачивается неофициально, в № 13 – наличие вредных привычек (в т.ч. алкоголизм, наркомания) у кого-либо из членов семьи, в № 14 – отсутствие собственности на квартиру или дом, в котором проживает домохозяйство, в № 15 – отказ от любого планирования собственной жизни, в № 16 – проживание в сельской местности (ПГТ в данном случае были отнесены к городскому типу поселений и закодированы как “0” соответственно), в № 17 – женский пол. Дополнительно в регрессионную модель была добавлена непрерывная переменная – возраст индивида, а также переменная – возраст индивида, взятая в квадрате.

² Перед включением в модель всех указанных переменных нами была проведена проверка на силу связи между ними, которая была учтена в дальнейшем моделировании. Проверка осуществлялась посредством расчета коэффициента корреляции Спирмена попарно между всеми рассматриваемыми факторами бедности. Значимые (на 99 и 95% доверительном интервале) корреляции, требовавшие отдельного внимания, присутствовали между предикторами 6, 7, 8, а также между 9 и 6, 9 и 7, 8 и 10 (коэффициент Спирмена составлял для них более 0,3).

объяснить 30,1% всех случаев бедности и 78,4% случаев в целом (как попадания в бедность, так и не попадания в нее). Однако при этом ряд факторов бедности (приведенные в табл. 1 под № 2–4, 8, 10 и 11) являлись незначимыми даже на 95%-м интервале.

Перед тем как удалить переменные 2–4, 8 и 10, 11 из модели, нами была произведена проверка регрессии на потенциальное ухудшение ее объяснительной способности при их очередном (и одновременном) исключении³. Проведенная проверка показала отсутствие негативного влияния на качество модели от их совместного исключения. Не наблюдалось также и значимого изменения (более 20%) коэффициентов влияния значимых факторов, как не изменился и характер их воздействия (с положительного на отрицательный). По всем указанным причинам приведенные выше факторы бедности были удалены из дальнейшего процесса моделирования.

Построение регрессионной модели без учета указанных выше факторов бедности (модель № 2) сократило долю объясненных случаев бедности (до 27,6%), однако значительно улучшило общее качество модели (о чем свидетельствует резкое сокращение ВИС⁴ – с -334 до -382 (см. табл. 2)), практически не сократив количество верно объясненных переменных в целом (78,1%⁵) и сохранив высокую объяснительную способность согласно тесту Хосмера – Лемешова ($\text{prob} > \text{chi}^2 = 0,456$). Однако модель № 2 требовала дополнительной проверки на риск взаимосвязи между рядом выбранных переменных (см. табл. 1: «Совместные эффекты»). В качестве нивелирования последних в модель № 2 были пошагово введены 4 совместных эффекта

³ Использовался адаптированный тест правдоподобия (скорректированный по методу Bonferroni-adjustments statistics). Адаптированный тест правдоподобия использовался по причине расчета робастных оценок стандартных ошибок для коэффициентов анализируемых регрессоров.

⁴ При анализе качества модели мы опирались на ключевые показатели согласно исследованиям Скотта Лонга – BIC, BIC', AIC, Log-Lik Full Model, McFadden's Adj R2, Hosmer-Lemeshow tests и др. (см. подробнее: *Hosmer David W., Lemeshow Stanley, and Sturdivan Rodney X.* (2016) *Wiley Series in Probability and Statistics: Applied Logistic Regression* (3-rd edition). New York, NY, USA: John Wiley & Sons, 2013. ProQuest ebrary. Web. 8 February; *Long J. Scott.* (1997) *Regression Models for Categorical and Limited Dependent Variables*. Stat, 3-rd edition. Chapter 2. College Station, TX: Stata Press).

⁵ В скобках указана площадь под кривой Iroc, показывающая долю верно объясненных случаев попадания в бедность и не попадания в нее (см.: *Hosmer David W., Lemeshow Stanley, and Sturdivan Rodney X.* (2016) *Wiley Series in Probability and Statistics: Applied Logistic Regression* (3-rd edition). New York, NY, USA: John Wiley & Sons, 2013. ProQuest ebrary. Web. 8 February).

Таблица 1

ФАКТОРЫ ПОПАДАНИЯ В АБСОЛЮТНУЮ БЕДНОСТЬ НА ОСНОВЕ ЛОГИТ-РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА¹

Регрессионная модель	1	2	3	4	5	6
Факторы бедности						
1. Наличие в семье неработающих трудоспособных	1.495*** (0.167)	1.530*** (0.162)	1.545*** (0.162)	1.545*** (0.162)	1.542*** (0.162)	1.546*** (0.162)
2. Наличие в семье инвалидов 1-й и 2-й групп	0.216 (0.293)					
3. Наличие в семье хронически больных	0.495 (0.364)					
4. Наличие в семье неработающих пенсионеров	-0.238 (0.163)					
5. Наличие в семье несовершеннолетних детей	0.983*** (0.113)	0.989*** (0.112)	1.005*** (0.112)	1.005*** (0.112)	1.009*** (0.113)	1.004*** (0.112)
6. Образование среднее специальное и ниже	0.448** (0.187)	0.417** (0.188)	1.392*** (0.318)	1.391*** (0.317)	1.400*** (0.318)	1.389*** (0.318)
7. Характер профессионально-должностной позиции	0.424** (0.208)	0.380* (0.209)	0.741*** (0.225)	0.738** (0.230)	0.742*** (0.226)	0.747*** (0.224)
8. Негосударственное предприятие	-0.215* (0.119)					
9. Неофициальное оформление на работу	0.271** (0.129)	0.309*** (0.110)	0.287*** (0.110)	0.287*** (0.110)	0.291*** (0.110)	0.282** (0.110)
10. Оценка воздействия кризиса на ситуацию со своей работой как негативного	0.0928 (0.146)					
11. Отсутствие властного ресурса на работе	0.382*** (0.120)	0.397*** (0.119)	0.412*** (0.119)	0.412*** (0.119)	0.410*** (0.119)	0.413*** (0.119)
12. «Серая» заработная плата	0.120(0.129)					
13. Наличие вредных привычек у кого-либо в семье	-0.197 (0.245)					
14. Отсутствие собственного жилья	0.272* (0.151)	0.290* (0.150)	0.295** (0.150)	0.296** (0.150)	0.292* (0.150)	0.295** (0.150)
15. Отказ от планирования собственной жизни	0.570*** (0.110)	0.569*** (0.108)	0.561*** (0.109)	0.561*** (0.109)	0.491*** (0.129)	0.585*** (0.116)
16. Проживание в сельской местности	1.149*** (0.116)	1.121*** (0.115)	1.086*** (0.116)	1.078*** (0.143)	0.955*** (0.169)	1.129*** (0.132)
17. Женский пол	0.227** (0.105)	0.235** (0.103)	0.254** (0.103)	0.249** (0.115)	0.257** (0.104)	0.277** (0.109)
18. Возраст	0.116*** (0.0386)	0.116*** (0.0385)	0.119*** (0.0384)	0.119*** (0.0384)	0.120*** (0.0385)	0.120*** (0.0384)
19. Возраст (квадратичный)	-0.00168*** (0.000488)	-0.00168*** (0.000487)	-0.00171*** (0.000486)	-0.00172*** (0.000486)	-0.00172*** (0.000487)	-0.00172*** (0.000485)
20. Совместный эффект образования и проф. позиции			-1.260*** (0.373)	-1.260*** (0.373)	-1.265*** (0.373)	-1.264*** (0.373)
21. Совместный эффект проживания в сельской местности, профессиональной позиции и пола				0.0187 (0.219)		
22. Совместный эффект планирования жизни и проживания в сельской местности					0.233 (0.227)	
23. Совместный эффект планирования жизни, проживания в сельской местности и пола						-0.154 (0.237)
Константа	-5.217*** (0.750)	-5.310*** (0.745)	-5.491*** (0.748)	-5.487*** (0.749)	-5.458*** (0.752)	-5.528*** (0.749)
Количество наблюдений	2,537	2,537	2,537	2,537	2,537	2,537

¹ В скобках указаны робастные отклонения; знаками ***, **, * отмечены соответственно 99, 95 и 90%-ные доверительные интервалы.

от: 1) характера занимаемой профессиональной позиции и образования индивида, 2) проживания в сельской местности, профессиональной позиции и пола индивида, 3) планирования жизни и проживания в сельской местности и 4) планирования жизни, проживания в сельской местности и пола индивида. В результате поэтапного включения указанных совместных эффектов в модель были получены соответственно модели № 3–6. Однако включение каждого из совместных эффектов, кроме первого, показало ухудшение объяснительной силы модели и ее качества, в результате чего от их наличия в модели пришлось отказаться. Включение же в модель совместного эффекта от уровня образования индивида и характера занимаемой им профессиональной позиции только улучшило модель (сокращение BIC', AIC, увеличение числа объясненных случаев бедности при сохранившемся общем числе объясненных наблюдений и пр. (см. табл. 2)).

Наилучшей оказалась модель № 3, которая объясняла 28,5% случаев попадания в бедность и в 78,1% всей выборки и не содержала незначимых переменных. Таким образом, проведенный эконометрический анализ продемонстрировал значимую связь объективной («абсолютной») бедности с подавляющим большинством рассматривавшихся нами факторов бедности.

Как видно из регрессионной модели № 3, бедность в настоящее время формируется по большей части за счет факторов, связанных с положением индивида и членов его семьи на рынке труда, в том числе качества человеческого капитала индивида (и, как следствие, его переговорной силы на рынке труда и характера занимаемой им профессионально-должностной позиции), ситуацией на локальных рынках труда, различающихся в разных типах населенных пунктов, а также иждивенческой нагрузкой неработающими членами семьи. Иные же факторы (в частности, связанные с полом и возрастом индивида, неофициальным оформлением на работу и

отсутствием властного ресурса на ней, отсутствием собственного жилья) хоть и усиливают шансы попасть в бедность, но в значительно меньшей степени.

Рассмотрим, насколько эти факторы абсолютной бедности влияют на вероятность попадания в число субъективно бедных, то есть тех, кто сам считает себя бедным.

Факторы субъективной бедности в России

При анализе факторов субъективной бедности в качестве предикторов выступали те же переменные, что и в случае с абсолютной бедностью, а в качестве зависимых переменных – факт принадлежности к группе субъективно бедных, то есть тех, кто идентифицирует себя с бедными.

На первом шаге моделирования (модель № 1) были включены все 18 потенциальных факторов бедности. Однако лишь шесть (№ 5, 6, 11, 14, 17, 18) оказались значимы хотя бы на 95%-ном доверительном интервале. Тестирование модели на ее потенциальное ухудшение в связи с удалением переменных методом адаптированного теста правдоподобия показало, что исключение из дальнейшего моделирования 9 из 12 переменных не оказывает существенного влияния на ее качество. Переменные же под № 2, 11 и 13 требовали более детального анализа. На втором шаге (модель № 2) нами была в точности воспроизведена наилучшая модель факторов объективной бедности (табл. 3). Как видим, включение переменных № 1, 7, 9, 15, 16, 20 приводит к значимым изменениям – сильным искажениям коэффициентов (более 20%) и общему ухудшению модели (см. результаты теста Хосмера – Лемешова в табл. 4). При этом все переменные, за исключением одной, являются незначимыми. Таким образом, модель, наилучшим образом описывающая факторы абсолютной бедности, оказывается слабо применимой к описанию субъективной бедности, поэтому от нее пришлось отказаться.

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕРКИ КАЧЕСТВА ПОСТРОЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ФАКТОРОВ АБСОЛЮТНОЙ БЕДНОСТИ

Модель	McFadden's Adj R2:	Log-Lik Full Model	BIC'	AIC	Area under ROC curve	Correctly classified,%	Sensitivity	Hosmer-Lemeshow chi2(8)	Prob > chi2
1	0.156	-1181.592	-334.005	0.947	0.7754	78.36%	30.11%	5.41	0.7131
2	0.157	-1186.284	-379.493	0.945	0.7724	78.08%	27.58%	7.77	0.4561
3	0.160	-1181.308	-381.606	0.942	0.7750	78.08%	28.53%	10.48	0.2330
4	0.159	-1181.304	-373.775	0.943	0.7750	78.08%	28.53%	10.16	0.2538
5	0.160	-1180.789	-374.805	0.943	0.7759	78.16%	27.89%	12.68	0.1234
6	0.159	-1181.099	-374.184	0.943	0.7751	77.77%	28.37%	9.14	0.3309

Таблица 3

ФАКТОРЫ ПОПАДАНИЯ В СУБЪЕКТИВНУЮ БЕДНОСТЬ НА ОСНОВЕ ЛОГИТ-РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА

Факторы бедности / Регрессионная модель	1	2	5	6	7	8	9	10	11	12
1. Наличие в семье неработающих трудоспособных	-0.0786 (0.151)	-0.0935 (0.150)			0.330 (0.211)	0.342 (0.213)			0.343 (0.212)	0.329 (0.212)
2. Наличие в семье инвалидов 1-й и 2-й групп	0.323 (0.212)									
3. Наличие в семье хронически больных	-0.0279 (0.368)									
4. Наличие в семье неработающих пенсионеров	0.0629 (0.121)									
5. Наличие в семье несовершеннолетних детей	0.198** (0.0877)	0.192** (0.0873)	0.203** (0.0868)	0.203** (0.0868)	0.200** (0.0869)	0.208** (0.0868)	0.200** (0.0867)	0.197** (0.0869)	0.205** (0.0867)	0.203** (0.0869)
6. Образование среднее специальное и ниже	0.304** (0.139)	0.0344 (0.278)	0.437*** (0.0886)	0.437*** (0.0886)	0.415*** (0.0897)	0.439*** (0.0887)	0.432*** (0.0887)	0.417*** (0.0895)	0.434*** (0.0888)	0.420*** (0.0896)
7. Характер профессионально-должностной позиции	0.123 (0.149)	0.0397 (0.172)								
8. Негосударственное предприятие	0.0216 (0.0939)									
9. Неофициальное оформление на работу	-0.0168 (0.109)	0.0414 (0.0911)								
10. Оценка воздействия кризиса на ситуацию со своей работой как негативного	-0.0938 (0.126)									
11. Отсутствие властного ресурса на работе	-0.232** (0.0911)	-0.240** (0.0904)	-0.200** (0.0875)	-0.228** (0.0891)	-0.200** (0.0876)	-0.203** (0.0876)	-0.227** (0.0889)	-0.203** (0.0877)	-0.226** (0.0890)	-0.230** (0.0890)
12. «Серая» заработная плата	0.0766 (0.107)									
13. Наличие вредных привычек у кого-либо в семье	0.312 (0.199)	0.314 (0.199)	0.314 (0.199)	0.314 (0.199)	0.314 (0.199)	0.313 (0.199)	0.315 (0.198)	0.315 (0.198)	0.313 (0.200)	0.313 (0.200)
14. Отсутствие собственного жилья	0.224* (0.125)	0.200 (0.124)	0.219* (0.123)	0.219* (0.124)	0.227* (0.124)	0.226* (0.124)	0.204* (0.124)	0.234* (0.124)	0.212* (0.124)	0.211* (0.124)
15. Отказ от планирования собственной жизни	0.140 (0.0850)	0.149* (0.0843)		0.149* (0.0837)			0.153* (0.0835)	0.149* (0.0835)	0.149* (0.0837)	0.153* (0.0836)
16. Проживание в сельской местности	0.0817 (0.0991)	0.0946 (0.0994)								
17. Женский пол	0.195** (0.0829)	0.193** (0.0816)	0.201** (0.0812)	0.195** (0.0813)	0.200** (0.0812)	0.200** (0.0812)	0.198** (0.0813)	0.198** (0.0812)	0.197** (0.0813)	0.196** (0.0813)
18. Возраст	-0.0447* (0.0268)	-0.0503* (0.0268)	-0.0511* (0.0266)	-0.0478* (0.0266)	-0.0504* (0.0266)	-0.0486* (0.0266)	-0.0509* (0.0266)	-0.0479* (0.0266)	-0.0502* (0.0266)	-0.0485* (0.0266)
19. Возраст (квадратичный)	0.000728** (0.000332)	0.000791** (0.000332)	0.000807** (0.000330)	-0.228** (0.0891)	-0.200** (0.0876)	-0.203** (0.0876)	-0.227** (0.0889)	-0.203** (0.0877)	-0.226** (0.0890)	-0.230** (0.0890)
20. Совместный эффект образования и проф. позиции		0.363 (0.322)								
Константа	-0.0183 (0.524)	0.156 (0.522)	0.221 (0.512)	0.221 (0.512)	0.0942 (0.515)	0.191 (0.513)	0.161 (0.514)	0.183 (0.514)	0.130 (0.514)	0.155 (0.514)
Количество наблюдений	2,518	2,518	2,518	2,518	2,518	2,518	2,518	2,518	2,518	2,518

На третьем-пятом шагах моделирования были протестированы модели № 3–5 соответственно, без переменных № 3, 11, 13 (в модели № 3 была исключена переменная № 18, в модели № 4 – переменная № 19, в модели № 5 оставлены переменные № 18, 19¹). Исключение 12 незначимых переменных оказало значимый положительный эффект на объяснительную способность и качество модели (см. табл. 4), наилучшей же из них оказалась модель № 5.

На последующих шагах тестировались модели (№ 6–12), включающие в себя переменные № 2, 11, 13, так как их исключение, согласно адаптированному тесту правдоподобия, негативно сказывалось на общем качестве модели². Как видно из табл. 4, добавление указанных переменных значимо улучшает модель № 5 согласно тесту Хосмера – Лемешова и практически не ухудшает ее общей объяснительной силы, хоть и негативно сказывается на показателе BIC' (наилучшей по которому является модель № 9). Обращение же к результатам в табл. 3 демонстрирует, что включенные переменные № 2, 11 оказываются незначимыми, в то время как переменная № 13 каждый раз значима на 95%-ном интервале. Само же включение переменных не влечет скачкообразных изменений

коэффициентов других предикторов, равно как и смены направления их влияния. Исходя из предпосылки, что наилучшей является модель включающая в себя меньшее количество предикторов, в качестве таковой была выбрана модель № 9.

Как видно из модели № 9, к субъективной бедности приводит прежде всего наличие в семье несовершеннолетних детей и отсутствие собственного жилья. Сказывается на ее вероятности и отказ от планирования собственной жизни. Оценки себя как бедного свойственны чаще лицам с образованием не выше среднего специального, в большей степени женщинам и реже встречаются в пожилых возрастах, чем в молодых, где, видимо, на идентификации себя с бедными чаще сказывается разрыв между желаниями и реальностью. Дискуссионными, но все же не включенными в итоговую модель, были факторы, связанные с наличием в семье инвалидов 1-й или 2 групп, а также алкоголиков, наркоманов и т.п.

Если абсолютная бедность зависит в первую очередь от положения индивида на рынке труда, качества его человеческого капитала и пр., *то субъективная бедность является результатом обстоятельств, ухудшающих качество жизни*

Таблица 4

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕРКИ КАЧЕСТВА ПОСТРОЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ФАКТОРОВ СУБЪЕКТИВНОЙ БЕДНОСТИ

Модель	McFadden's Adj R2:	Log-Lik Full Model	BIC'	AIC	Area under ROC curve	Correctly classified,%	Sensitivity	Hosmer-Lemeshow chi2(8)	Prob > chi2
1	0.006	-1712.992	87.026	1.376	0.5875	56.20%	47.29%	6.95	0.5416
2	0.008	-1715.443	44.940	1.374	0.5873	56.31%	46.63%	22.19	0.0046
3	0.009	-1721.949	3.135	1.373	0.5767	55.12%	47.29%	24.89	0.0016
4	0.009	-1720.827	0.889	1.372	0.5776	55.48%	48.44%	17.50	0.0253
5	0.010	-1719.009	5.086	1.372	0.5806	56.31%	47.70%	9.68	0.2881
6	0.010	-1714.836	20.234	1.371	0.5859	56.04%	45.72%	12.24	0.1409
7	0.010	-1717.652	10.203	1.371	0.5829	56.08%	47.94%	12.74	0.1211
8	0.010	-1717.777	10.452	1.372	0.5821	56.35%	48.77%	9.18	0.3272
9	0.010	-1717.321	9.541	1.371	0.5833	56.24%	45.89%	8.49	0.3873
10	0.010	-1716.412	15.554	1.371	0.5837	56.00%	48.68%	6.80	0.5579
11	0.010	-1716.069	14.867	1.371	0.5845	56.27%	46.71%	12.24	0.1408
12	0.010	-1716.097	14.924	1.371	0.5856	55.76%	44.74%	8.37	0.3981

¹ Оценки качества моделей приведены в табл. 4, однако из-за ограничений объема некоторые модели были исключены из табл. 3 в силу их неэффективности.

² В моделях указанные переменные включались следующим образом: модель № 6 – совместное включение переменных № 2, 11, 13, модель № 7 – исключительно переменной 2, модель № 8 – исключительно переменной № 11, модель № 9 – исключительно переменной № 13, модель № 10 – совместное включение переменных № 2, 11, модель № 11 – совместное включение переменных № 2, 13, модель № 12 – совместное включение переменных № 11, 13 (см. результаты в табл. 3 и 4).

даже при сравнительно высоком ее уровне – необходимости ухаживать за иждивенцами, в том числе детьми, отсутствия своего жилья, восприятия своего бессилия повлиять на свою жизнь и пассивной жизненной позиции при разрыве желаний и реальности. Таким образом, спектр причин, приводящих к абсолютной и субъективной бедности, качественным образом разнится.

Субъективная и объективная бедность — явления разной природы, предпосылки их формирования различны. Если же проанализировать особенности представителей двух этих типов бедности, то различия между ними становятся еще более очевидными.

Соотношение групп абсолютной и субъективной бедности

В условиях кризиса в октябре 2015 г. субъективно себя воспринимали бедными половина россиян (50,3%). При этом субъективное восприятие себя как бедных оказалось практически не связано с их материальным положением. Как видно из рис. 3, в отличие от объективно бедного населения, выделяемого именно по

критерию доходов (менее 1 ПМ), субъективная бедность не является характерной особенностью населения с наименьшими доходами. Среди субъективно бедных присутствуют россияне с совершенно разными доходами, от самых низких до самых высоких.

Более того, группы объективно и субъективно бедных слабо пересекаются (рис. 4): в зону пересечения со стороны бедных «по доходам» попадает лишь половина, а со стороны субъективно бедных вообще всего четверть. Иными словами, в нынешних условиях каждый второй объективно бедный россиянин не воспринимает свою жизнь как пребывание в бедности, а каждый третий небедный, наоборот, считает, что живет бедно.

Рисунок 3

СТРУКТУРА БЕДНОГО НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ ПО РАЗМЕРУ ЕГО ДОХОДОВ, октябрь 2015 г. (%)

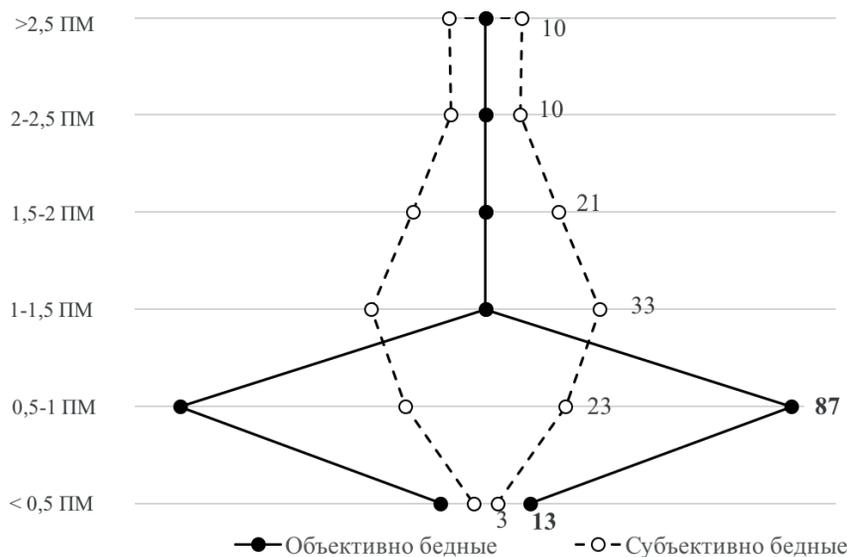
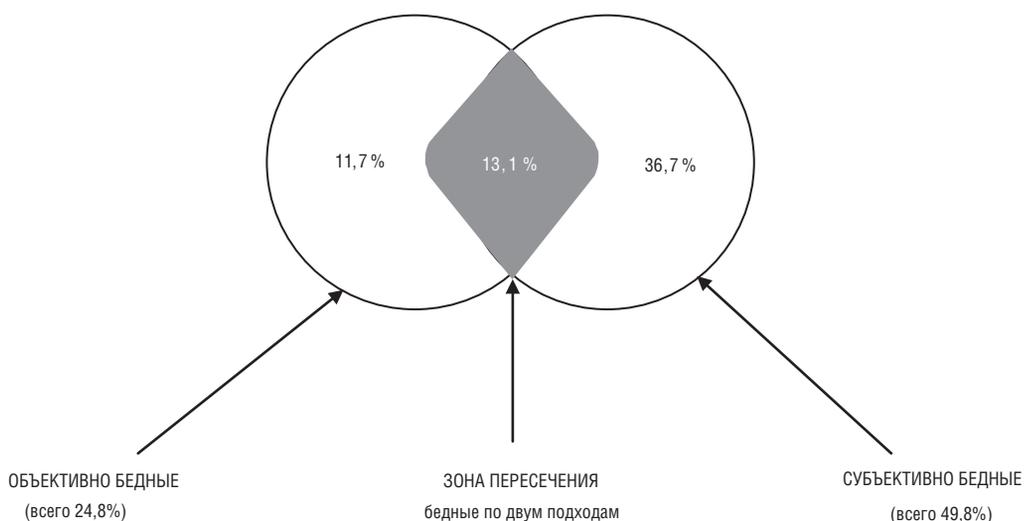

Рисунок 4

СООТНОШЕНИЕ ГРУПП АБСОЛЮТНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ БЕДНОСТИ, октябрь 2015 г. (%)

Обращение к показателю доходов демонстрирует, что субъективная бедность — феномен не экономической природы, отражающий скорее ощущение некоторой собственной ущербности и/или беспомощности, а не низкие доходы.

Выводы

Абсолютная и субъективная бедность — явления различной природы. Согласно исследователям, изучающим бедность через призму социологических и психологических подходов, восприятие качества жизни основывается как на социокультурных характеристиках (интегральном статусе, ресурсообеспеченности, уровне образования, принадлежности к различным социальным группам и пр.), так и на психологических (удовлетворенности жизнью, ощущении счастья, успешности реализации, личностном самоутверждении и пр.)¹. Однако эконометрический, равно как и содержатель-

ный, анализ демонстрирует, что субъективное восприятие своего уровня жизни населением практически не связано в условиях современной России с ключевыми для объективной бедности социально-экономическими факторами и является результатом скорее недовольства качеством своей жизни, чем просто низким уровнем доходов. Точнее, это результат недовольства уровнем доходов, из-за которого, как кажется человеку, он не может решить возникающие жизненные проблемы. Поэтому субъективный подход не может быть использован для корректировки методики определения адресатов социальной поддержки, хотя анализ группы россиян, ощущающих себя бедными, может внести существенный вклад в понимание наиболее острых проблем современного российского общества и способствовать тем самым совершенствованию государственной социальной политики.

¹ См. подробнее: *Шаповал И.А.* Субъективное качество жизни в психологии бедности // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 6. № 4. С. 207–218.